

Ляо Цюли заметил, что Сяо Юй застыл у входа в главный зал, не решаясь войти, и вышел ему навстречу с привычным вопросом:

— Ты уже поел? Если нет, я могу что-нибудь приготовить.

За пятнадцать лет их знакомства Ляо Цюли чаще всего беспокоился о том, поел ли Сяо Юй или хорошо ли он поел. В остальном он не мог помочь, но в вопросах еды всегда находил выход. К тому же он был уверен, что многие тревоги возникают из-за плохого питания. Если человек сыт и доволен, настроение улучшается, и решения приходят сами собой.

— Нет, хочу вонтонов, — ответил Сяо Юй.

Обычно он не любил эту еду — кусочки теста с начинкой из фарша, — но её приготовление требовало времени и усилий, а также взаимодействия двоих. Один мог замешивать тесто, другой — готовить начинку, и заодно можно было поговорить о чём-то другом. Уже поздно, может быть, он всё же останется?

Ляо Цюли, услышав это, повернулся к кухне:

— Хорошо, что я принёс немного свежего мяса. Добавить в начинку грибы?

— Да. И креветки.

— Понял! И побольше перца!

Сяо Юй хотел помочь с тестом, но Ляо Цюли не позволил, отправив его рубить начинку. Когда начинка была готова, тесто тоже почти замесили. Оставив его отдыхать, Ляо Цюли разжёг огонь, налил в кастрюлю воды и, ожидая, пока она закипит, заговорил:

— Отец приглашает тебя завтра зайти. Ему есть что сказать.

На самом деле Ляо Шисян не хотел говорить об этом. Если судить по статусу, их семья, занимающаяся столярным делом, не могла просто так обратиться к князю-генералу. Но молчать было нельзя. Сын — его кровь, и как отец, пусть даже скромного происхождения, он должен был набраться смелости и столкнуться с трудностями лицом к лицу.

— О чём он хочет поговорить? — Сяо Юй уже положил нож, но, услышав это, снова взял его и начал рубить начинку, пытаясь успокоить свои запутанные мысли.

Что хорошего мог сказать свёкор этому «зятю»? Либо угрозы, либо призыв оставить его сына в покое, либо мольба о прекращении этой мучительной связи.

— Он не сказал. У тебя завтра будет время?

— Да, я зайду.

Ляо Цюли не ожидал такого согласия. Брат говорил, что в последнее время в делах двора много суеты, и он думал, что Сяо Юй не сможет найти время. Но тот согласился без колебаний.

После этих слов наступила тишина, и первым её нарушил Сяо Юй.

— ...Помню, в первый год службы я ел вонтоны. Запомнил их, потому что это была первая горячая еда за два дня. Мы проходили через маленький городок, была ночь праздника фонарей, все горожане собрались дома, улицы были пустынные. Мы долго шли, пока не наткнулись на уличного торговца вонтонами, который уже собирался уходить. Уговорили его приготовить нам несколько порций... Бульон был из обычной свиной кости, начинка — ничего особенного, просто фарш с креветками и морковью. Горячие, ароматные, вкусные. Потом, вспоминая, понимал, что ничего особенного в них не было, но почему-то запомнил навсегда.

Ляо Цюли для Сяо Юя, вероятно, был как те вонтоны в зимнюю ночь — обычный человек из простой семьи, ничем не выделяющийся, но согревший его сердце, поэтому он и остался в памяти навсегда.

— Ага, понимаю. Однажды я был на юге, в Гаочуне, останавливался там на несколько дней, чтобы посмотреть настенные росписи. Там, у моря, рыбаки были гостеприимны, угостили меня морепродуктами. Среди них был жареный кальмар, приготовленный из свежих маленьких кальмаров. Выглядел он невзрачно, чёрный, но на вкус — просто восхитительно! Внутри маленьких кальмаров были икринки, мелкие, которые взрывались во рту при жевании. Мясо кальмара было упругим, и с тех пор я больше не ел таких вкусных кальмаров...

— Хочешь поехать? Как-нибудь, когда будет время, я отвезу тебя на море, — Сяо Юй смотрел на него с улыбкой, говоря о будущем, далёком дне, когда они вместе отправятся к морю, будут наблюдать приливы и отливы, смотреть, как меняется мир.

— ...Посмотрим, — Ляо Цюли не стал поддерживать разговор.

Если он не собирался окончательно связать свою судьбу с этим человеком, лучше не оставлять хвостов, которые могут вызвать ненужные надежды.

Тем временем вода закипела. Ляо Цюли раскатал тесто, положил начинку, сформировал вонтоны и опустил их в кипящую воду. Движения были ловкими и быстрыми, видно, что он много времени проводит либо за рисованием, либо за готовкой. Он мастерски справлялся с приготовлением еды, будь то пельмени или вонтоны. В считанные минуты блюдо было готово. Как обычно, он сам не ел, а смотрел, как Сяо Юй ест. После еды он убрал за ним и собирался вернуться в отделение дома Ляо.

— ...Останешься на ночь? Погода холодная, бегать туда-сюда — простудишься. Ты спи в

спальне, я устроюсь в кабинете.

В кабинете был только стол и стул, без кровати. Устроиться там на ночь? Это значит провести ночь в тесноте.

— Нет, так никто не выспится. Лучше я уйду.

Если он останется в спальне, а Сяо Юя вынудит провести ночь в кабинете, это не принесёт покоя никому.

Но если он не останется, Сяо Юй всё равно не сможет уснуть спокойно.

— ...Точно уходишь? Тогда я провожу тебя.

Сяо Юй съел только половину и положил ложку, собираясь встать и проводить его — всё равно не удержат, пусть уходит скорее, чтобы не мучиться, видя его рядом и постоянно думая о нём.

— Доешь! Я полдня провозился, чтобы приготовить эту порцию, а ты съел только половину! Неужели не жалко еды? Мои родители с детства учили нас: «Каждое зерно риса и каждая нитка — это труд, который нельзя забывать». Каждый раз, когда мы ели, у нас в руках был кусочек хлеба, чтобы вытереть тарелку дочиста. Я серьёзно, если оставишь еду, в следующий раз не стану готовить! Ешь, а я уйду. Завтра, когда освободишься, приходи.

Если бы генерал Сяо действительно «женился», он, вероятно, стал бы подкаблучником. Хотя в важных делах он был решительным, в обычной жизни он позволял Ляо Цюли принимать решения.

Он не смог его удержать, но, по крайней мере, завтра они снова увидятся, и это уже было утешением. Проводив его до двери, он не смог найти слов, кроме «Счастливого пути». Тот, кто уходил, попросил его вернуться в дом, не стоять у двери, но он не послушался, дождался, пока тот скроется из виду, и только тогда закрыл дверь. Закрыв её, он вернулся на кухню, вспоминая моменты, проведённые вместе, и надеясь, что завтра наступит быстрее.

На следующее утро генерал Сяо отправился за покупками, выбрал лучшее из того, что приготовил Лу Хунцзин, и отправил две телеги в отделение дома Ляо. Сам он появился только к концу часа Чэнь.

На этот раз обстановка была необычной. Ляо Шисян вместе с десятком членов семьи стоял у входа, встречая его. Даже замужняя дочь специально вернулась домой. Было ли это «смотринами зятя» или «пиром с подвохом», сказать трудно. Как только Сяо Юй подъехал к воротам, ещё не слезши с лошади, вся семья Ляо во главе с Ляо Шисяном поклонилась до земли, восклицая:

— Приветствуем князя Су!

Церемония была соблюдена, но это больше походило на демонстрацию силы, чем на приветствие. Если бы семья Ляо хотела признать его «зятём», они бы не использовали такие формальности, которые скорее отталкивали, чем приветствовали. Это была вежливость и отстранённость, напоминающая о том, что они не собираются молча терпеть несправедливость. Простые люди не могут противостоять знати, но они могут не признавать её своей семьёй. Пусть он женится силой, но они не собираются идти на компромисс!

Сяо Юй помог Ляо Шисяну подняться и огляделся — среди стоящих на коленях не было Ляо Цюли. Видимо, это была демонстрация силы: сначала убрать главного участника событий или сообщить неверное время, чтобы оставить его за пределами дома, а затем позволить родителям, братьям и сёстрам выступить в его защиту, чтобы вернуть ему свободу.

<http://bllate.org/book/15507/1377432>